
СЕМЬЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

ББК 63.3(2)5:60.561.51

М. Н. Трефилова, Т. Б. Котлова

КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ ГОРОЖАН В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в. (На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний)

Заинтересованный исследователь истории российской семьи обнаружит на страницах периодических изданий первой четверти XX в. весь спектр актуальных сегодня вопросов семейно-брачных отношений, которые впервые возникли в этот период перед обществом и государством, став предметом острых дискуссий. Это проблемы кризиса семьи и снижения количества браков¹, распространения внебрачных сожителств² и увеличения доли неполных семей, ряд злободневных тем, связанных с искусственным прерыванием беременности³, занятостью женщин и их социальной активностью, разрушением института брака в новых социально-экономических и политических условиях⁴.

Как и корреспонденты периодических изданий, публицисты, представители научной общественности сто лет назад, мы с тревогой смотрим на возможные сценарии развития институтов брака и семьи, которые «в крайне рационализированном обществе, пронизанном идеологией рынка, вытесняются на периферию, становятся маргинальным образованием», представляя собой не главную жизнеобразующую ценность, а всего лишь «один из проектов, которые человек осуществляет в течение жизни»⁵. Схожие по характеру тенденции все более явно прослеживаются и внутри института семьи, проявляясь в усилении индивидуализма, повышении конфликтности, что обуславливает движение от целостности «семейного ядра» к разобщенности, разрушению внутрисемейных связей и распаду браков⁶. Формирование новых гендерных ценностей, изменение отношений между полами и одновременно глубоко укорененное в социальных институтах неравенство неизбежно приводят к столкновению интересов и целей мужчин и женщин, обуславливают возникновение противоречий между их традиционными и новыми ролями, которые на внутрисемейном и внесемейном уровнях перерастают в так называемый гендерный конфликт⁷.

Процессы функционирования и развития общественной системы посредством категории конфликта изучает и объясняет конфликтология. Специалисты исследуют природу конфликта, его структуру, причины возникновения, дина-

мику, функции, предлагают различные типологии, определяя конфликт как неотъемлемую часть социальной жизни⁸, форму отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями⁹. Межличностные конфликты, к которым относятся и конфликты между супругами, являются самыми распространенными: они охватывают практически все сферы человеческих отношений в обществе. При этом, рождаясь и протекая в сфере частной, интимной, повседневной жизни, они остаются «за дверью кабинета» психолога или квартиры «обычных людей», «входя в историю» только в самом худшем случае — через страницы криминальных хроник.

В то же самое время именно повседневность явилась главной культурной ценностью второй половины XX столетия, обозначившей поворот к глубинной реальности социальной жизни. Современный этап изучения истории повседневности характеризуется стремлением связать ее как микроисторический уровень жизни с макроисторией (экономика, политика, уровень развития техники), обращением к ментальному уровню повседневной жизни, к идеалам, стереотипам сознания, ценностным ориентациям. В свою очередь, рассмотрение практик семейно-брачных отношений, повседневной жизни в переломные исторические периоды сквозь призму конфликта предлагает широкие исследовательские перспективы и позволяет не только выявить противоречия и динамику индивидуальных потребностей, мотивов, интересов супругов, рассмотреть факторы, способствовавшие распаду семей, но и понять логику развития процесса модернизации достаточно инерционного и консервативного социального института. В «локальных» противоречиях супругов часто раскрываются глубинные социальные тенденции, являющиеся приметой развития института семьи на определенном историческом отрезке.

Надежным фундаментом для проведения подобной работы является широкая источниковая база, представленная массивом фондов гражданского, уголовного и духовного судов, документов личного происхождения 1890—1920-х гг.¹⁰, которая позволяет в полной мере проследить схемы развития конфликтов, определить влияние на них внешних обстоятельств, рассмотреть разрушительные для семьи конца XIX — первой четверти XX в. проблемы, многие из которых прочно вошли в практику семейно-брачных отношений и в начале XXI в. не потеряли остроты.

Безусловно, владение этой информацией не дает гарантий для создания прогнозов и единственно верных проектов развития институтов брака и семьи в современном российском обществе, но, тем не менее, позволяет скорректировать государственную политику, непосредственно касающуюся их настоящего и будущего.

Сегодня новую интригу рассматриваемым вопросам придает начавшийся переход индустриальной цивилизации к постиндустриальной, когда изменяется характер производства и главное значение приобретает информация, корректируются образ жизни, ценности и идеалы. На рубеже XIX—XX вв. завершившийся промышленный переворот, процессы индустриализации и урбанизации, коренные изменения в структуре общества сопровождались последствиями социокультурного характера: ускорилось становление культуры индустриального

типа, резко возросло число женщин, вовлеченных в процесс производства и жизнь городского социума. Одновременно с формированием новой городской среды происходили серьезные изменения в сфере семейно-брачных отношений горожан и, несмотря на то что в условиях действовавшего законодательства¹¹ статистическое количество разводов увеличивалось медленно, распространявшаяся в городах практика фактического «расхода» супругов становилась поводом для негативных оценок перспектив института семьи и давала современникам возможность говорить о том, что «из сотни (браков. — М. Т., Т. К.) чуть ли не $\frac{3}{4}$ кончается разрывом»¹².

Накопившиеся внутри семьи горожан противоречия обнажила реформа семейно-брачного законодательства, проведенная советской властью в конце 1917 — начале 1918 г. Супруги, считавшие внутрисемейный конфликт неразрешимым, теперь могли легко расторгнуть брак в народном суде (при несогласии сторон) или отделе записей актов гражданского состояния. Статистически количество расторжений браков после принятия декрета «О разводе» резко возросло. Однако в данном случае увеличение разводимости не является основанием для однозначных выводов: принципиальное различие законодательства и возможностей получить развод до и после 1917 г. разрушает фундамент сравнения. В отличие от количественных данных, «качественные» источники вскрывают суть перемен, показывая неочевидные статистически различия в установках, желаниях, требованиях супругов в отношении семьи и друг друга, модели супружеских конфликтов, макрофакторы повышения (снижения) конфликтности в исследуемый период.

Разделяя конфликты по критериям результативности на конструктивные и деструктивные, по легальности существования — на открытые и латентные, современная конфликтология дает возможность исследователю отказаться от поиска единой типологии как полного и однозначного отображения любого конфликта, предполагая признание множества типологий. Конфликты можно классифицировать по различным основаниям: причинам, составу сторон, динамике развития, формам действия сторон, социальным целям и последствиям. В соответствии с целью и задачей настоящей работы структурируем отразившиеся в источниках конфликтные ситуации по принципу причинности, следуя типологиям супружеских конфликтов, предложенным А. И. Кочетовым и В. А. Сысенко¹³.

Если в отношении современной семьи причина конфликта, основанного на грубости, жестокости одного из партнеров, трактуется как «наличие личностных недостатков или отрицательных качеств» супруга, то для семьи конца XIX — начала XX в. ее использование требует пояснения. То, что современный человек расценивает как жестокость и грубость, неразвитость сознания, для исследуемого периода не столько проявление личных отрицательных качеств, сколько система общественных взаимоотношений господства — подчинения, которая распространялась и на институт брака.

На рубеже XIX—XX вв. противоречия внутри семьи выросли на почве патриархальных традиций и патриархального законодательства, предписывавшего жене повиноваться мужу, «пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании»¹⁴, при этом неизбежно возникала возможность зло-

употребления основанными на браке правами. Факты жестокого обращения мужей с женами осуждались, но описывались как повсеместное явление¹⁵. Как показывает анализ архивных материалов, столкновения на почве «бесчеловечного обращения» в наибольшей степени были характерны для семей солдат¹⁶, мещан¹⁷, проживающих в городе крестьян¹⁸, хотя нередко встречались и в семьях привилегированных сословий¹⁹.

В данном случае интересна не семейная драма, в которой одна сторона властвует, а вторая подчиняется, а то, что она в исследуемый период все чаще перерастает в конфликт — скрытое или явное противостояние. Например, возбуждая в суде в 1894 г. имущественный иск против мужа, мещанка А. Могутова использует свои экономические права как повод и ставит себе целью не вернуть «ключ от сундука <...> в котором находится <...> приданое», а с помощью гражданских властей обязать мужа больше ее «не бить, не ругаться» и, проведя супруга через различные стадии судебного процесса, заключает с ним мировое соглашение на вышеуказанных условиях²⁰.

Принятие советского семейно-брачного законодательства должно было устранить этот вид конфликта, поскольку формально система господства — подчинения в семье была разрушена. На практике ее носители не могли изменить свое мировоззрение незамедлительно с вступлением в законную силу юридической нормы, тем более что они были наиболее многочисленными представителями городского сообщества, в которое, кроме того, в 1920-х гг. хлынул поток крестьянства как носителей наиболее патриархальных взглядов на внутрисемейные отношения. Регулярные избиения и оскорбления жен продолжали иметь место²¹, но теперь в полной мере могли быть названы «неразвитостью» и «личными недостатками». В свою очередь, сопротивление им в условиях пропаганды равенства женщин в семье и обществе чаще приводило к распаду семей. В то же время женщины из рабочей среды, испытав на себе все бремя «недостатков» супруга, не стремились немедленно развестись, а пытались как можно дольше сохранить брак. Так, кинешемка В. Мухартова, в течение 5 лет переносившая «оскорбления словами и действиями», обратилась в суд за разводом в 1926 г. только после того, как очередное «поучение» привело ее на грань жизни и смерти²². Подобные примеры ярко иллюстрируют сохранение патриархальной модели семьи в 1920-х гг., показывают устойчивость традиционных взглядов на внутрисемейные отношения и консерватизм исследуемого социального института.

В дореволюционный период в семьях солдат (запасных рядовых) «жестокое обращение» неизменно сопровождалось состоянием алкогольного опьянения²³. Одновременно ссоры на почве пристрастия одного из супругов к спиртным напиткам выявлены практически во всех городских сословиях: семьях купечества²⁴, крестьян²⁵, мещан²⁶, потомственных почетных граждан²⁷, разночинцев и интеллигенции²⁸. В большинстве своем они оказывались непреодолимыми, поэтому жена купца А. Титова искренне радовалась, что муж «оставил пить вино», вспоминая, «как много оно <...> обоим зла и раздора принесло»²⁹.

Как правило, острота противоречий была связана с последствиями пагубной привычки: проблемами экономического характера, рукоприкладством, оскорблениями. При этом в делопроизводственных материалах 1920-х гг. более часто ак-

туализируются именно экономические претензии, возникавшие вследствие пьянства, впервые как причина конфликта обозначается связь алкогольной зависимости с унижающими вторую сторону должностными преступлениями супруга³⁰.

Другой распространенной причиной конфликтов в семье горожан исследуемого периода можно назвать нарушение этики супружеских взаимоотношений — ревность³¹ или измену, хотя именно в отношении характеристики последнего слагаемого классификации причин при интерпретации источников возникает наибольшее количество вопросов. Измена, трактуемая в дореволюционном законодательстве как «нарушение святости брака прелюбодеянием»³², в случае ее доказанности являлась одним из 4 оснований для развода. Поэтому часто она играла в отношениях супругов самые разные роли и не всегда «разжигала» конфликты. Личный почетный гражданин Н. Смирнов использовал измену своей жены как способ прекратить конфликт, разгоревшийся на совершенно других основаниях, о которых будет сказано ниже; он был «рад, что такое с женой случилось»: супруга боялась «общественного позора», а он ее «простил и может вить веревки»³³. Вплоть до принятия в 1914 г. закона «О расширении личных и имущественных прав замужних женщин...» супруги, чей брак распался фактически по «неканоническим» основаниям, могли, привлекая лжесвидетелей, использовать «прелюбодеяние» в качестве «официальной» причины для расторжения брака. Часто подобное дело, подкупая «очевидцев», фабриковала одна из сторон³⁴, поскольку «виновный» приговаривался к церковному наказанию вплоть до осуждения на безбрачие.

Наиболее последовательно модель развития событий «измена — причина деструктивного конфликта» иллюстрируют взаимоотношения демобилизованных солдат и их «неверных» жен, к моменту возвращения мужа имевших «внебрачных детей»³⁵. Женщины, наоборот, часто рассматривали факт измены со стороны мужа как неизбежное зло³⁶. Достаточно лояльное отношение к супружеской неверности демонстрируют представительницы небогатого мещанства. Например, А. Спиридонова, муж которой позволял себе «гулять с другими <...> все это терпела»³⁷, тогда как Е. Соловьева сама ходила к сопернице «без цели учинить скандал, а только взять от нее мужа»³⁸. Нужно отметить, что в подобных оценках значительную роль играет не только желание сохранить семью любым способом, не остаться без материальной поддержки, но и особенно характерное для крестьянской, мещанской среды представление о преимущественной вине жены за неудавшийся брак³⁹, возложение ответственности «за внебрачную жизнь <...> на супругу»⁴⁰.

Иное отношение к «измене» демонстрируют представители других городских слоев. Жена дворянина Т. Федорова, «нравственно оскорбленная неверностью»⁴¹, так же как жена студента Ярославского юридического лица А. Патваканова⁴², просила консисторию о расторжении брака, поскольку это «нравственное преступление отталкивает» супругов⁴³. Безусловно, в кардинальном различии оценок неверности мужа в описанных случаях значительную роль сыграли как возможности обеспечения собственной финансовой стабильности в случае расставания с супругом, так и принципиально различный уровень «духовного сознания».

На основании принятого ЦИК и СНК 19 декабря 1917 г. декрета «О разводе» понятие «прелюбодеяние» перестало иметь юридическое значение. Одновременно с развитием общественных дискуссий о новых формах брака и семьи суждения о невозможности сохранения в коммунистическом обществе «претензий владеть безраздельно и до конца дней его/ее сердцем», модель «брака втроем»⁴⁴ фактически «отменяли» понятие «супружеская измена», поскольку ее не может быть там, где должна быть «свобода брака», а ревность стала оцениваться как «низменные побуждения»⁴⁵.

Тем не менее для «обычной» городской семьи изучаемого региона «супружеская неверность» стала более разрушительным фактором в числе обстоятельств, влиявших на взаимоотношения супругов. Обостренные оценки случившегося определяются разочарованием в супруге⁴⁶, ощущением предательства семьи и детей⁴⁷, утратой доверия⁴⁸. Одновременно в 1920-х гг. супружеская измена, сама по себе не разрушая семью, приводила к распаду браков в случае рождения в результате внебрачной связи ребенка, поскольку выплата алиментов подтачивала нестабильный семейный бюджет. С введением в действие с января 1927 г. Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, уравнившего в правах зарегистрированные и фактические браки, ситуация еще более усложнилась. Как утверждал тапер Б. Свистунов в ответ на исковое прошение, выплата алиментов неизбежно разрушала его брак: «Жена вынуждена будет со мной развестись, и я могу остаться в тяжелом положении»⁴⁹. В подобных условиях измена становилась не просто нравственным преступлением, она являлась жестоким ударом по благосостоянию семьи.

Конфликты, возникавшие между супругами на почве «финансовых разногласий», заслуживают отдельного рассмотрения. Как указывает в своих воспоминаниях А. М. Богатырева, в семьях фабричных рабочих ссоры чаще всего происходили оттого, что «муж, иногда пьяный, упрекает (жену. — М. Т., Т. К.) и ребятишек за каждый кусок...»⁵⁰. Столкновения из-за распоряжения приданным имели место как в богатых купеческих семьях⁵¹, так и семьях небогатого мещанства⁵². Однако если в первых возникали ссоры на почве непомерных (по мнению мужа) трат супруги⁵³, то к началу XX в. работающие мещанки, высоко оценивая свой вклад в семейный бюджет, все чаще выдвигают подобные претензии к мужьям⁵⁴.

В исследуемый период заметно обострение конфликтов по причине неудовлетворенности во взаимопомощи, особенно в части экономической поддержки семьи, как со стороны мужчин, так и со стороны работающих женщин. Например, обозначая важность перераспределения обязанностей и подчеркивая невозможность в текущих социально-экономических условиях содержать семью одному, в 1894 г. иваново-вознесенский мещанин И. Срывков соглашался закончить семейный конфликт воссоединением с супругой, только если «она будет помогать ему и работать»⁵⁵. Наоборот, торговавшей «вразноску» галантереей жительнице Костромы В. Никитиной «не оказывал никакой помощи» муж, пропивавший и товар, и заработанные деньги⁵⁶.

Тенденция к включению женщин в процесс оплачиваемой деятельности меняла модель взаимоотношений супругов. Нельзя говорить о том, что эти взаимоотношения начинали строиться по принципу равенства, но она привно-

сила определенное уважение в семье мелких служащих и даже некоторых фабричных рабочих, пусть и после череды острых конфликтных ситуаций. Одновременно в случае возникновения внутрисемейных противоречий у работающих женщин проявлялось чувство уверенности в своих силах, своей правоте⁵⁷.

Показателем глубины происходивших перемен, их опасности для традиционной семейной модели служит тот факт, что мужчины являлись не только сторонниками, но и непримиримыми противниками изменений семейного уклада: включение женщин в процесс оплачиваемой деятельности, рост их самосознания воспринимались как первопричина «кризиса семьи»⁵⁸. Борьба с желанием жены устроиться на работу могла принимать такие формы, как в судебных тяжбах крестьянина А. Шошина с женой в 1906—1908 гг. Он трижды возбуждал гражданский иск с целью добиться ее увольнения с разных мест работы, объясняя свое настойчивое желание так: «Я, Шошин, нуждаюсь женским полом и мои малые дети, и часто находимся в холодной избе, и жена моя гуляет по воле»⁵⁹.

В строящемся социалистическом обществе в условиях социальной нестабильности, кризиса экономики финансовые претензии супругов друг к другу не исчезли. Если бытовая неустроенность⁶⁰, низкие заработки и невозможность прокормить семью на зарплату⁶¹, подозрения в излишних тратах и даже воровстве⁶² приводили к ссорам, то потеря работы⁶³ или принципиально различный вклад в семейный бюджет⁶⁴ — к расторжению брака.

Вступление государства после 1922 г. в более стабильную фазу и необходимость восстановления разрушенной экономики обострили вопросы, связанные с занятостью женщин, их вовлечением в производительный труд и перераспределением обязанностей в семье. Государство пропагандировало новую роль женщины как «равноправной гражданки» и «строительницы» страны⁶⁵. При этом в наименьшей степени была решена одновременно возникавшая проблема двойной нагрузки женщин, в связи с чем к претензиям экономического характера, которые к тому времени достаточно явно звучали в семье горожан, к проблеме равенства обязанностей примкнули вопросы равенства прав. В результате в качестве причин семейных конфликтов зазвучали выводы о «несамостоятельности мужа»⁶⁶, страхе мужчин перед ответственностью, обвинения в том, что муж не может «служить опорой в дальнейшей жизни»⁶⁷. В судебной практике апофеозом процесса стали иски мужей о взыскании с жен выплат на содержание себя и детей⁶⁸, обвинения в том, что нетрудоспособного мужа и ребенка жена «бросила <...> на произвол судьбы, не дает <...> помощи»⁶⁹.

На протяжении всего исследуемого периода проблемы равноценности вклада членов семьи в ее благосостояние тесно переплетались с конфликтами, возникавшими вследствие недооценки одним из супругов качеств и способностей другого. Так, пренебрежение ее мнением как хозяйки дома, отношение к себе со стороны мужа как к ребенку остро переживала супруга Д. Г. Бурылина — Анна Александровна⁷⁰. Главным условием примирения с мужем для жены губернского секретаря В. Антоновой являлось желание «быть дома хозяйкой, а не приживалкой»⁷¹. Отрицание своего вклада в экономическую поддержку семьи в 1924 г. крестьянин Д. Смельцев оценивал как «оскорбление», которое «очень тяжело переносить»⁷². В равной степени дворянка М. Юдичева, в 1919 г. «добывавшая» продукты, начавшая стирать и гладить, была разгневана

безразличием супруга к ее заслугам: «Упрекает, что я ни черта не делала, а кто и что делал в нашем кругу? Зато теперь я — человек, дивлюсь и дивятся...»⁷³

Недооценка роли другого в семье часто отражала несовместимость интересов и потребностей супругов. Как правило, на рубеже XIX—XX вв. расходом заканчивалось заключенное в супружеские рамки напряженное противостояние «городского» и «деревенского» образов жизни. Так, не мог ужиться со своей женой-мещанкой в селе Никольском П. Спасский, поскольку она была «с детства воспитан[а] среди фабричной обстановки, люби[ла] веселье <...> участвовала в кружке любителей-артистов»⁷⁴. Завоевав в городе новое «общественное положение» и работая приказчиком, крестьянин Ф. Максимов стыдился жены — «деревенской бабы» — и своего законного брака⁷⁵.

Несовместимость интересов и потребностей супругов выражалась в противоположных взглядах на значимые события и нравственные ценности, в некоторых случаях сформировавшихся в результате различного социального происхождения мужа и жены. Так, дворянка Е. Самсонова, предлагая в 1902 г. своей золовке Наталье сюжет для написания романа на современную и актуальную тему, описывает конфликт в семье инженера и дворянки, произошедший из-за «финансового преступления» мужа⁷⁶. В 1928 г. инженер-химик В. Ленхольдт видит главную причину ссор с женой в ее «аристократичности»⁷⁷. В данном случае каждая из сторон, опираясь на определенную систему ценностей, была категорична, тогда как для представителей одного сословия шансы на примирение, поиск компромисса были выше. Например, муж крестьянки К. Шабариной, занимавшейся в Шуе революционной работой, пытался «отвлечь» ее от этой деятельности «двумя способами: устраивал скандалы <...> применял читать вместе романы...» Терпя первый вид воздействия, супруга подбирала для чтения социалистическую литературу, и постепенно муж сам втянулся «в революционную работу»⁷⁸.

В постреволюционной советской действительности часто супруги принципиальное различие в поступках, нравственных ценностях связывали с идеологическими взглядами друг друга. «Как пролетарская труженица <...> и кандидат Российской коммунистической партии» работница А. Вахляева предпочитала развестись с мужем, который находился в розыске и прошлое которого бросало тень на ее будущее⁷⁹. Уже в революционные годы проблема религиозности и отношения к религии, которую один член семьи оценивал как спасение, а второй — как «форменное ханжество», делала мужа и жену непримиримыми противниками⁸⁰. В 1920-х гг. конфликты «неверия и веры» приобретают новое измерение в связи с логично следовавшими столкновениями из-за противоположных взглядов на воспитание детей⁸¹. Одновременно в значительном количестве «послеразводных дел» (как правило, о передаче ребенка другому родителю или о назначении алиментов) ссылки на воспитание детей «в духе коммунизма»⁸², указания на религиозность семьи⁸³, не являясь первопричинами разногласий, становились способом склонить суд на ту или иную сторону⁸⁴. Таким образом, в жизнь городской семьи все более явно входили противоречия не внутреннего, а внешнего характера, проистекавшие не от проблем взаимоотношений, а вызванные отношениями супругов с внешним миром.

До выхода семьи на большую политическую и социальную арену проблема невозможности самореализации при исполнении роли супруги и матери в конце XIX — первом десятилетии XX в. актуализировалась некоторыми представительницами купеческих семей, интеллигенции. Первые подчеркивали невозможность удовлетворения своих потребностей⁸⁵, поддержания привычного «открытого» образа жизни⁸⁶ в семье, вторые связывали семейную жизнь с отказом от «мечтаний и порывов»⁸⁷. В свою очередь, в период 1914—1917 гг. катализатором столкновений становится как раз реализация потребностей в следовании внесемейным стратегиям. Так, став военным врачом, чтобы «впоследствии не упрекну[ть] себя <...> что в ужасное время жила личной жизнью», А. Заалова получала горькие упреки от мужа, который решил, что она «на фронте ради сильных ощущений»⁸⁸.

Процесс усиления конфликтности по причине реализации внесемейных стратегий захватил более широкие слои общества и значительно усилился в 1920-х гг. в семьях фабричных рабочих и служащих, когда резко возросла общественная нагрузка на обоих супругов. Желание каждого получить образование, необходимость принять участие в общественной деятельности приводили к острым конфликтам, инициаторами которых были как мужья, так и жены. Первые при этом говорили о заброшенном доме и хозяйстве⁸⁹, вторые — об одиночестве⁹⁰ в результате постоянного отсутствия супруга.

Для некоторых видов конфликтов подобная преемственность не была свойственна. Так, среди «новых семей» 1920-х гг. не удалось выявить тех, в которых ссоры супругов проистекали бы от изначального отсутствия любви. Видимо, молодежь при вступлении в брак (начиная сожителство) преимущественно стала руководствоваться взаимным влечением и чувством любви, тогда как в предшествовавший период столкновения супругов, женившихся по воле родителей, когда «выбор <...> и чувство не имели места»⁹¹, встречались достаточно часто.

Также в постреволюционный период почти не упоминаются конфликты, возникавшие из-за неправильных отношений одного из супругов с родителями или родственниками другого⁹². В конце XIX в., когда власть родителей над детьми, закрепленная законодательством, была достаточно сильна, а сам строй общественной жизни был направлен скорее на сохранение «старого», чем на содействие «новому» («молодому»), столкновения из-за вмешательства свекрови⁹³ или тестя⁹⁴ в жизнь молодой семьи заканчивались даже расходом супругов.

В связи с явным разделением брачности и сексуальности в 1920-х гг. похожая тенденция прослеживается в отношении конфликтов по причине биологической несовместимости супругов. До революции неспособность к сексуальной жизни («брачному сожитию») была одной из причин для расторжения брака, но случаи столкновения с подобной трагедией говорят о расставании «без ругани»⁹⁵ или «тягостном сосуществовании»⁹⁶, а не о ссорах и конфликтах. Однако «биологическая несовместимость» супругов, часто выражавшаяся в их неспособности откровенно обсуждать сексуальные взаимоотношения, неумении узнать или нежелании принять потребности друг друга, становилась не просто причиной противоречий, а приводила к полному непониманию и рождению чувства отвращения между мужем и женой.

Для упоминавшейся в сюжете об изменах купеческой дочери Е. Смирновой сексуальная жизнь в браке, как и для большинства женщин конца XIX в., в девичестве оставалась «закрытой книгой», и, выйдя замуж, она попыталась построить ее в соответствии с собственными потребностями и эмоциональным миром. Она «ласкалась (к мужу. — *М. Т., Т. К.*), как ребенок», получая «нотации за неуместностью (этого. — *М. Т., Т. К.*) между мужем и женой». В результате «ей овладевало отчаяние и разочарование жизнью», в то время как муж «свои отношения проявлял лишь иногда для удовлетворения половой потребности». Первоначально (при вступлении в брак ей было 16 лет) Екатерина терпела это, а затем вывела собственные претензии на уровень почти революционного протеста: «...задетое самолюбие и сознание человеческого достоинства заговорило о несправедливости мужа, подстрекая волю противодействовать против его произвола как имеющей одинаковую с ним равноправность»⁹⁷. Если в этой семье попытки гармонизировать супружеские отношения, внести в них живые эмоции категорически отвергал муж — «человек религиозный», которого «держит страх перед Богом, но <...> поглощает плотское чувство»⁹⁸, то супруги Зааловы, искренне любя друг друга, в течение первого года совместной жизни также не могли найти взаимопонимание в данном вопросе. Под влиянием литературы, общепринятой нравственности А. Заалова «не понимала, какая связь между любовью и половым влечением <...> и только благодаря своей сильной любви <...> прощала <...> обладание». Н. Заалов также «мучился, будучи не в силах справиться со своим темпераментом, и никакими усилиями не мог разбудить (в жене. — *М. Т., Т. К.*) женщину». Оба страдали, ссорились, жена отчаялась наладить жизнь и «начинала думать, что <...> не должна была выходить замуж»⁹⁹.

Таким образом, конфликты по причине «биологической несовместимости» были очень тесно связаны с неудовлетворенной потребностью в положительных эмоциях, ласке, нежности и разрешение их было психологически сложным для супругов: непонимание проблемы, отрицание ее, чувство стыда, запретности темы приводили не к конструктивному диалогу, а к дальнейшему отчуждению. Даже студентке-медику А. Зааловой, чтобы разрешить внутрисемейный конфликт, понадобились несколько лет супружества и «обсуждение» проблемы с мужем через ее описание в личном дневнике.

В 1920-х гг. «биологическая несовместимость», в исключительных случаях становясь причиной ссор, чаще всего «в чистом виде» отсутствует, соединяясь с различием духовных интересов¹⁰⁰ или проявляясь в браке одновременно с какими-либо негативными чертами партнера¹⁰¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что в исследуемый период в семьях горожан оставалась стабильно высокой конфликтность на почве финансовых разногласий между мужем и женой, пристрастия к алкоголю, несовместимости интересов и потребностей супругов. Заметна тенденция к снижению конфликтов из-за жестокого обращения, неудовлетворенности самореализацией в семье, отсутствия любви, неправильных отношений с родителями, биологической несовместимости. В свою очередь, разногласия супругов в решении вопросов воспитания детей и взаимопомощи, равноценности вклада в семейный бюджет, нарушение супружеской верности (в случае рождения «внебрачного»

ребенка), реализация внесемейных стратегий стали более разрушительными для семейных взаимоотношений.

Очень ярко было выражено влияние макрофакторов на повышение внутрисемейной конфликтности. В их числе: развитие городской культуры, изменение традиционного положения женщины в обществе и семье, обусловленный военными и революционными действиями кризис экономики и социальной сферы. Одновременно во всех источниках личного происхождения отражены общее состояние озабоченности, негативный эмоциональный фон, девальвация моральных ценностей, что также способствовало обострению внутрисемейных противоречий.

Одной из принципиальных характеристик является также резкое обострение гендерных конфликтов в результате трансформации роли женщин в семье и обществе. К началу 1920-х гг., вместе с реформами советской власти, характер столкновений интересов и целей супругов на почве включения женщин в процесс оплачиваемой деятельности, распространения идей равноправия женщин, получения ими образования перешел в открытую фазу. Тем не менее, имея беспрецедентную историческую возможность быть конструктивно разрешенным при участии третьей стороны — государства, гендерный конфликт снова стал латентным вместе с рождением «контракта работающей матери».

Стратегии поведения участников конфликтов показывают, что преобладающими методами разрешения всех описанных проблем, выхода из семейного кризиса являлись доминирование одной стороны над другой, уступчивость или избегание открытого столкновения. Поиск компромисса или сотрудничество встречается в источниках значительно реже, как правило — в семьях интеллигенции, дворян, купечества. Кроме того, часто каждый из супругов и сторонних участников столкновений (родители, соседи, знакомые) оценивал причины возникшего конфликта по-разному, что при отсутствии единого понимания проблемы также обуславливало невозможность ее решения на основе конструктивного диалога.

Таким образом, анализ конфликтности внутри семей горожан, противоречий и динамики индивидуальных потребностей, мотивов, интересов, целей супругов показывает, что в конце XIX — первой четверти XX в. институты брака и семьи проходили фазу модернизации, симптомами и последствиями которой становилось развитие описанных тенденций: конфликт в семье являлся фактором ее социокультурной трансформации.

Исследуемый период стал отправной точкой формирования современной российской семьи, которая на волне социально-культурных изменений, отражающих сегодня реализацию программы информационного общества и общества потребления, переживает фазу обновления. Пройдя длинный путь, но вернувшись на заре XXI в. по одной из осей координат к условному началу, она столкнулась с проблемами, которые изменили облик традиционной семьи столетие тому назад. В их числе — как более частные вопросы разрушения браков по причине активной трудовой миграции населения в мегаполисы, так и глобальные проблемы «духовного перелома», возникшие вследствие очередной переоценки ролей и ценностей, поиска ответов на вопросы: чем человек должен пожертвовать ради создания и сохранения семьи, насколько индивидуаль-

ное пострадает от общего, какова ценность семьи по отношению к карьере, личному благу, возможно ли равенство прав и возможностей в браке. При этом, несмотря на данные статистики по соотношению количества браков и разводов, усиление хрупкости взаимоотношений супругов в условиях обострения конкуренции их индивидуальных интересов, можно не только говорить об инерционности института семьи, но и оценивать его значение как определяющее в жизни человека. Так, по данным фонда «Общественное мнение» (2005 г.), для россиян «ценность брака <...> не упала»¹⁰² и, как свидетельствуют результаты общеевропейского исследования 1978—2000 гг., «в ряду таких ценностей, как работа, семья, друзья, свободное время, политика, религия, семья ценится выше всего»¹⁰³.

Примечания

- ¹ Агроном. Кризис брака // Брачная газ. 1906. № 6.
- ² Против гражданских жен // Женская жизнь. 1916. № 2.
- ³ Суд над абортom // Журн. для женщин. 1914. № 2. С. 4.
- ⁴ Нужен ли брак? // Приволжская правда. 1923. № 218.
- ⁵ Стоюнина-Здравомыслова О. Семья: из прошлого — в будущее // Гендерные стереотипы в современной России : интернет-конф. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/16209413/> (дата обращения: 09.10.2010).
- ⁶ В России в 2009 г. на 1000 человек населения приходилось 8,5 браков и 4,9 разводов. См.: URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/> (дата обращения: 23.03.2011).
- ⁷ Взаимодействие или психологическое состояние, в основе которого лежит противоречивое восприятие гендерных ценностей, отношений, ролей, приводящее к столкновению интересов и целей. См.: Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/047.htm> (дата обращения: 13.11.2010).
- ⁸ Леонов Н. И. Онтологическая сущность конфликтов. URL: <http://biblios.newgoo.net/t4082-topic> (дата обращения: 20.11.2010).
- ⁹ Здравомыслов А. Г. Социология конфликта : учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 96.
- ¹⁰ В статье использованы делопроизводственные материалы Владимирской, Ярославской духовных консисторий, городских судов гг. Кинешмы, Юрьевца, Иваново-Вознесенска, народных судов Иваново-Вознесенской губернии по искам о расторжении браков и выплате денежного содержания, материалы личных фондов А. А. Титова, А. М. Богатыревой, Д. Г. Бурылина, Н. В. Самсоновой, Н. В. Демьяновой, К. Я. Шабахиной, А. Н. Зааловой, материалы периодической печати.
- ¹¹ До 1917 г. брак расторгался духовным судом по 4 причинам: доказанный факт измены; бесследное отсутствие супруга (более 5 лет); наказание, повлекшее лишение прав состояния (в том числе семейственных); неспособность вести брачную жизнь. Факты жестокого обращения, нарушения основанных на браке обязанностей и злоупотребления ими, душевная или венерическая болезнь одного из супругов с 1914 г. вошли в семейно-брачное законодательство в качестве оснований для прекращения совместной жизни женщины и мужчины, формально остававшихся супругами. С апреля 1918 г. Русская православная церковь дополнила число поводов для расторжения брака, а для получения гражданского развода, введенного 19 декабря 1917 г., вообще не требовалось указывать причину.
- ¹² Брак — самый важный шаг в жизни // Брачная газ. 1906. № 1.

- ¹³ Кочетов А. И. Мужчина и женщина: отношения полов. Минск : Полымя, 1989 ; Сысенко В. А. Супружеские конфликты. М. : Мысль, 1989.
- ¹⁴ Свод законов Российской империи. Пг., 1914. Т. 10, ч. 1 : свод законов гражданских. С. 30.
- ¹⁵ Женофил. Смотрины невест // Новобрачная газ. 1907. № 15.
- ¹⁶ Государственный архив Ивановской области. Ф. 914. Оп. 1. Д. 56. Далее: ГАИО.
- ¹⁷ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 633.
- ¹⁸ Там же. Д. 196.
- ¹⁹ Там же. Д. 1143.
- ²⁰ Там же. Ф. 526. Оп. 1. Д. 27.
- ²¹ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 1363.
- ²² Там же. Д. 867.
- ²³ Там же. Ф. 914. Оп. 1. Д. 45.
- ²⁴ Государственный архив Ярославской области. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1790. Далее: ГАЯО.
- ²⁵ Там же. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1438.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 39.
- ²⁷ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1143.
- ²⁸ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1557.
- ²⁹ Там же. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1790. Л. 20.
- ³⁰ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 1380.
- ³¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1557.
- ³² Свод законов Российской империи. Пг., 1914. Т. 10, ч. 1. С. 16.
- ³³ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 686. Л. 13 об.
- ³⁴ Там же. Оп. 4. Д. 1614.
- ³⁵ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 1.
- ³⁶ Там же. Ф. 914. Оп. 1. Д. 351.
- ³⁷ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 235. Л. 1 об.
- ³⁸ Там же. Ф. 914. Оп. 1. Д. 351. Л. 1.
- ³⁹ Государственный архив Владимирской области. Ф. 556. Оп. 3. Д. 1001. Далее: ГАВО.
- ⁴⁰ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1513. Л. 21 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 1517. Л. 31 об.
- ⁴² Там же. Д. 1503.
- ⁴³ Там же. Д. 1517. Л. 31.
- ⁴⁴ Казьмина О., Пушкарёва Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы : модели для сборки : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2004. Кн. 1 / сост. и ред. С. Ушакин. С. 194, 195.
- ⁴⁵ Исключительно из ревности // Рабочий край. 1926. № 262.
- ⁴⁶ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 57.
- ⁴⁷ Там же. Д. 51.
- ⁴⁸ Там же. Д. 47.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1083. Л. 30.
- ⁵⁰ Шуйский городской архив. Ф. 102. Оп. 1. Д. 54. Л. 26.
- ⁵¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 686. Л. 13 об.
- ⁵² ГАИО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 126.
- ⁵³ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 20.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 189.
- ⁵⁵ Там же. Д. 354. Л. 2.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 914. Оп. 1. Д. 880. Л. 18.

- ⁵⁷ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1438.
- ⁵⁸ *Рейтер Г.* Задачи и цели супружеского союза // Новобрачная газ. 1907. № 14.
- ⁵⁹ ГАИО. Ф. 914. Оп. 1. Д. 669. Л. 1.
- ⁶⁰ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 199.
- ⁶¹ Там же. Д. 1314.
- ⁶² Там же. Д. 552.
- ⁶³ Там же. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 117.
- ⁶⁴ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 776.
- ⁶⁵ Там же. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 462. Л. 19.
- ⁶⁶ Там же. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 433.
- ⁶⁷ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 51.
- ⁶⁸ Там же. Д. 1222.
- ⁶⁹ Там же. Д. 776. Л. 1.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 20 а. Л. 83.
- ⁷¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1614. Л. 11 об.
- ⁷² ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 565. Л. 1.
- ⁷³ Там же. Ф. 512. Оп. 1. Д. 16. Л. 41 об.
- ⁷⁴ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 996. Л. 31.
- ⁷⁵ ГАИО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 101.
- ⁷⁶ ГАЯО. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 89. Л. 19.
- ⁷⁷ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 1314. Л. 11 об.
- ⁷⁸ Шуйский историко-художественный и мемориальный музей им. М. В. Фрунзе. НВФ. Д. 179/1. Л. 2.
- ⁷⁹ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 737. Л. 1.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 512. Оп. 1. Д. 16.
- ⁸¹ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 565.
- ⁸² Там же. Д. 576. Л. 4 об.
- ⁸³ Там же. Д. 565.
- ⁸⁴ Там же. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 353.
- ⁸⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 686.
- ⁸⁶ ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 20. Л. 14.
- ⁸⁷ Шуйский городской архив. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 88.
- ⁸⁸ Там же. Л. 413.
- ⁸⁹ Хоть бросай работать! // Рабочий край. 1926. № 284.
- ⁹⁰ *Орехов П.* Почему от него ушла Нюра // Там же. № 285.
- ⁹¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1438. Л. 12.
- ⁹² Убийство на почве семейных неурядиц // Рабочий край. 1926. № 245.
- ⁹³ ГАИО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39.
- ⁹⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1597.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 556. Оп. 3. Д. 1001. Л. 1.
- ⁹⁶ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 736. Л. 7.
- ⁹⁷ Там же. Д. 686. Л. 36.
- ⁹⁸ Там же. Л. 23.
- ⁹⁹ Шуйский городской архив. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 399, 400.
- ¹⁰⁰ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 203.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 552.
- ¹⁰² *Яковлева Е.* Живой брак : (сенсационные данные о современной семье) // Российская газ. 2005. 22 июля.
- ¹⁰³ *Стоюнина-Здравомыслова О.* Указ. соч.